

Ю.А. Бараева

Что ты?

16+

Юлия Бараева

Кто ты?

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Бараева Ю. А.

Кто ты? / Ю. А. Бараева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В стремлении познать человеческую истину – натыкаешься на иллюзорные факты и выводы, погребая себя в неведении. Его «грабли» становятся и твоими. Тогда возникает вопрос: стоит ли того то усердие в прерывании вашего удобства, и является ли комфорт тем самым «комфортом» без познания? Здесь вы, ваша душа и ваша Вселенная. Здесь мир, окружающий вас. Здесь жизнь ваша и чужая. Здесь повелевает человек. Здесь его законы и порядки. Здесь внутренние качества противодействуют внешнему воздействию. Здесь искренность граничит с предательством. Здесь любовь измеряется временем. Здесь счастье и несчастье. Здесь все, что важно и не важно. Если готовы, то запаситесь воздухом. Нырять придется глубоко.

© Бараева Ю. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

I	6
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Юлия Бараева

Кто ты?

В стремлении познать человеческую истину – натыкаешься на иллюзорные факты и выводы, погрывая себя в неведении. Его «грабли» становятся и твоими. Тогда возникает вопрос: стоит ли того то усердие в прерывании вашего удобства, и является ли комфорт тем самым «комфортом» без познания?

I

Ее звали Шеми. Родившись в семье бедняков, ее постулатом являлась та же бедность, в которой пребывал весь ее род.

– Брось ее, она лишит нас остатков хлёбова! – вторили родимым об избавлении.

Но в глубинах души истинная женщина возводила песнь веры в матери дитя. Она уповала, что придет чудо, и ее дочь сможет окликнуть всех невежд и неверующих тем, что есть сила, она поселена в нас самих.

Спустя четыре года, их, почти вымершее от голода племя, посетил шаман Эсмус со своими учениками. Его взору предстали сухие, на свет пронизывающие лучами солнца тела.

– Я дам вам яство, но взамен хочу получить от вас по ребенку до пяти годов исполнения, – сказал Эсмус.

Недолго думая, без какой-либо жалости в мыслях и глазах, они побросали своих детей к ногам его, чтобы только насытить свои жадные желудки.

– Что же, – с мрачной улыбкой заметил он, – раз готовность отдать кровных чад за яства явилось такой простой задачей – получайте.

Ученики свернули им шеи, бросив обратно матерям.

– Это ваше яство! – кликнул он с долей презрения.

Горе окатило матерей, стали рыдать они, захлебываясь в слезах:

–Что Вы сделали? Это наши дети, а Вы, Вы убили их!

И снова крики, горечь слез чувствовалась на губах, а смрад от пота разносился по всему племени. Они никогда не видели такой жестокости, да что там не видели, даже не слышали, ведь привыкли провожать в новую жизнь того, кто смерти достался уже мертвецом.

– Очнитесь, упавшие, это вы отдали их мне, значит ли, что они перестали быть нужными? – уже с равнодушием спрашивает Эсмус. – Пытаясь набить свои желудки, вы забыли о любви. Да что там о любви, забыли о главном – кровной части себя. Я лишь помог понять это. И если ваши думы посещает обречение, то век вам быть обреченными, – закончил шаман и ушел. Вопли боли так и доносились до его ушей.

II

Идя по обломкам домов, я снова вспоминаю, как двадцать лет назад выглядывала из-за плеча матери и видела, как моих заблудших близких топило горе.

– Шемеи, дочь моя, – окликнула матушка, – ты ли это? Как давно тебя не было в наших краях.

Она обняла меня, наспех вытирая подолом платья руки, грязные от готовки.

– Родная, не плачь, я здесь, я снова с тобой, – мягко обнимаю ее в ответ.

Ничего не изменилось в ее безупречном лице, быть может, выпало несколько зубов, и небольшой слой морщин покрыл уголки ее глаз и губ. Моя матушка была самой сильной женщиной из тех, что я встречала на пути, она свято верила в жизнь и тропу исцеления. Ее черные, как уголь глаза переливались отголосками любви и добра. В тот злополучный день она сделала смелый до тягучей, обжигающей влаги в сердце поступок, спрятав меня в сумку за спиной, шепнула: «Я никому тебя не отдам, жизнь моя».

Меня посадили за стол, в ожидании отца. Матушка не переставала спрашивать обо мне. А я все думала, как обернулась судьба заблудших невежд. Стали ли они сильнее или погрязли в мрачном бытии.

– Что случилось с тетужкой Саджирой? Она все так же ищет порцию яда и просит помощи у тебя? – поинтересовалась я, в надежде услышать, что она, наконец, пришла к пониманию истока ее потерь.

Умм долго молчала и не двигалась, глаза были покрыты пеленой, а тело будто парализовало, ее окатили воспоминания.

– Эй, иссохшая, а ну, поди сюда! Твой вор снова залез к нам в дом. Ахом его отколотил, видно будет знать, как посягать на чужое! – с усмешкой выхожу к ней навстречу.

Саджира поднимает свой кулак в угрожающем взмахе.

Горестно, волей стояла, дабы не вышвырнуть ее так же, как и ее воришку. Но каждый имеет отведенную дорогу, мне ли ее прерывать? Только ему подвластна та тропа, которую он будет прокладывать, либо стаптывать. А мы, мы не имеем человеческого права разрушать то, что возводит другой.

– Умм, дорогая, прости, прости меня и моего мужа! Я всеми силами пытаюсь отказаться от новой капли яда, но мои глаза пленит дымная оболочка, а следом – темнота, будто бы мной что-то управляет. В последнее время тело стало покрываться гнойниками, а левая рука перестала двигаться, – ее опухшие от слез глаза приобрели огненный оттенок. – Моей малышке скоро три года, она не перестает плакать каждый день и совсем ничего не ест. Ее визг бурлит в Ахоме злость, он уходит, а по возвращению привязывает мои руки и ноги к дереву, начиная бить, пока из открытых ран не пойдет кровь. Помоги мне, я прошу тебя! – прорыдала Саджира и упала к моим ногам.

Заблудшие, жаль их. Как помочь, казалось бы, столь неизбежному окончанию жизни? Будет ли этот люд наполнен чем-то хорошим? Ответы находятся в духе каждого. Во всяком случае, к сумрачной жизни их привел внутренний мрак. С ними он и остался. Положит в яму каждого. В яму полной грязи, куда любой затхлый прохожий не хотел бы заглянуть.

Мой зрак был направлен на глубину этой, еще не утерянной смысла к жизни женщины. Она рассыпалась снаружи, но в ней была надежда, которая взывала о помощи.

Пригласила в дом, она неспешными шагами, издавая звуки умирающего зверя, добралась до стула, на который плюхнулась с такой силой и грохотом, будто бы никогда больше не сможет идти. Ее раны источали черные выделения. Довели до этого ядовитые примеси и частые

издевательства мужа. Раны не успевали заживать, как появлялись новые. Жадно схватив ртом воздух, чтобы только не чувствовать это специфической вони, я принялась их обрабатывать.

После обработки и перевязки, по привычным уже нам действиям, я завернула ей кувшин с водой, корку хлеба, и на прощание сказала:

– Твоя путаная жизнь лишит жизни твое чадо, напхни себе в век: это все, что у тебя есть. А теперь ступай туда, куда будет вести сердце, оно покажет дорогу.

Быть может, слово так исцеляет, или ее потаенная надежда направила на путь истинный, но Саджира спустя время полностью отказалась от новых порций смеси, а следом ушла от мужа, который долго приходил и твердил так же, как и во время причиняемой им боли она:

– Не надо, мне больно, остановись!

Обесцениваем обретенное, ценим утерянное. Какой бесполезный закон жизни многих людей.

Дочь выросла, а мать наполняла ее той любовью, которой не могла поделиться ранее. Теперь, приходя в их дом, можно было слышать топот босых ножек и звонкие возгласы о том, как удивителен мир. Вопреки тому, что Сиди отставала в развитии, она была одарена лучезарной улыбкой и невысказанной красотой, наполняя теплом каждого пришедшего в гости проходимца. Саджира ушла из жизни, но выполнила обещанное ею когда-то слово: «Я стану своей милой девочке светом, чтобы освещать неизвестную ей дорогу».

Бормоча себе под нос, окончание столь дивной истории, она вернулась в реальный мир.

Вовремя открыть свой взор и сделать верный шаг перед пропастью порой бывает самой непростой задачей.

В проходе появился отец, он подбежал, радостно подхватив меня в свои сильные руки, крепко прижал к себе и начал подпрыгивать, кружась, будто маленькому ребенку дали что-то, о чем он так давно мечтал. Его глаза сияли счастьем, а на лбу появились морщины от того, что он не смог рассчитать свои силы и мой вес, который прибавлялся с возрастом.

Мой старый, добрый отец, ты так и не поменял свою прическу, оставив густые кудри. Лишь легкая седина покрыла их, – вдруг подумала я. – Улыбка твоя мне часто снилась. Ты не дарил ее просто так и всегда пытался скрыть, будто утверждая статус сурового хозяина дома. Но в моменты, когда ты не замечал, как на твоём лице расплывается искренняя улыбка, ты становился самым красивым отцом и мужем.

– Дочь моя, расскажи, как добралась в этот раз? Говорят, будут делать широкую дорогу к нашему племени, чтобы удобнее было передавать урожай? – спросил он.

– Нашли рабов и диву давятся от того, что те работать не хотят за воду и харч. В конечном счете, можно же кнутом, по нравам старых времен. Оттого и дело стоит, оттоль и люд озлоблен! – сорвавшись голосом в конце, я вскочила и отошла к окну, в надежде скрыть свои покрасневшие от накатившей злобы глаза.

Умм нежно коснулась моего плеча:

– Милая, откуда столько гневного раздражения? Разве так я учила распоряжаться эмоциями? Разве в то направление ты освобождаешь их? Зачем разорять свой внутренний запас на столь бездушных людей. Они – власть. Ими движет безнаказанность. Человеком движет то, что он может себе позволить, так не позволяй себе моральную нечистоплотность.

Мое тело, наконец, расслабилось, а плечи опустились от усталости, видимо, долгий путь и разговоры утомили меня. Покинув родителей, я двигалась в направлении своей старой комнаты, где все оставалось таким же родным для меня. Засыпая, я думала лишь о том, что в ближайшие дни мне придется быть куда откровеннее, разве что, отыскать глубоко потаенный замок, ключ которого начинает разрушаться.

Ои и Умм еще долго беседовали за столом. Отца беспокоил мой пылкий нрав:

– С каких пор Шеми стала такой взволнованной, прошло всего лишь пару лет с нашей последней встречи? Пусть дорога к нашему племени занимала несколько дней и ночей, но та легкость, в которой она прибывала ранее по приезду, куда-то исчезла.

– Дорогой, ее организм растет, как цветок, переживая благоденствие и невзгоды. Порой случается сильный дождь и бьет о лепестки рассудка с такой силой, что срывает их, или же солнце опалает неприкрытый стебель воли и иссушает его, а бывает так, что дует сильный ветер, насквозь пронизывая своим дыханием, листья души, – в попытке успокоить сердечного отозвалась Умм. – Быть может, она пригласит нас в волнительные уголки своего мира.

III

– Доброе утро, дочь моя, куда собралась с рассветом? – однозвучно спросили родные.

Борясь с искушением выдумать что-то, что напугало бы их, я поцеловала родные щеки и выбежала за порог дома, оставив вопрос без ответа. Мое сердце билось в унисон с природой, звери и птицы только начинали пробуждаться. Какое интересное замечание: я – словно зверь, выбираюсь из чащи в поисках смысла, что могу обрести.

Добежав, наконец, до места, где моя душа достигала просветления, я сбавила темп и прикоснулась к одиноко стоящему дереву. Это дерево было «Древом Веры». Когда-то ближний показал мне его, и с тех пор я чувствую себя единой рядом с этим, высоко уходящим в небо, деревом. Мой взгляд обратился к дому восходящего солнца, я почувствовала, как мое тело наполняется теплом от ярких огней дневного светила, а в глубине души развязывался ком переживаний. Они отступали куда-то за меня, туда, куда я больше никогда не вернусь. Назад пути нет, как нет и того, что остается позади. Как сладостно иметь место, которое может восполнить запас жизненных сил.

Почему, находясь в окружении бесчисленного количества людей, вдруг начинаешь чувствовать себя совершенно одиноким? Кажется, первопричина одиночества в чувстве разъединения себя, точнее, нецелостности, или от того, что человек не осознает, что его бытие является совершенным. Может, дробление причины неуместно, но действительность без сомнения и нахождения нового, явного, кажется такой утопической. Эти созданные воображением зарисовки о счастливом будущем, становятся импульсом в свершении, казалось бы, ярчайших поступков. Реалия нагоняет, хлопая по выставленной тобой уже заранее ладони, передавая посыл, и вот, ты прибавляешь темп, осталось пару шагов до «вхождения», но кем-то случайно выставленная нога, или, быть может, твоя собственная, оказывается той самой случайностью или же трудностью, что сбивает с пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.